

ГЛАВА ОДИН

Если бы я не пришла на монастырское кладбище, чтобы побыть в одиночестве, то не заметила бы серебряного блеска кадила, валяющейся у основания надгробия. Каждая послушница и сестра носили их с собой на цепочке, чтобы защититься от Мертвых. Эта кадила была знакома мне по форме и черному потускневшему узору — она принадлежала Софии, одной из самых молодых послушниц, которую привезли в монастырь лишь прошлой зимой. Когда я наклонилась и коснулась ее, металл был еще теплым. Чтобы удостовериться, мне пришлось прижать к кадилу запястье, так как мои покрытые шрамами руки плохо распознавали температуру.

Я сразу поняла, что София не выронила ее, лазая по деревьям или играя среди надгробий. Она не стала бы жечь ладан, если бы что-то не напугало ее всерьез; даже дети знали, что это благовоние слишком ценно, чтобы тратить его впустую.

Я выпрямилась и посмотрела в сторону часовни. Пронизывающий ветер хлестал по лицу выбившимися прядями косы, высекая слезы из глаз. Мне понадобилось лишнее мгновение, чтобы определить местонахождение воронов, ютившихся под карнизом и прижавшихся к мшистому серому камню. Все они были черного цвета,

кроме одного — тот сидел отдельно от остальных, нервно расправляя свои белоснежные перья, которые то и дело топорщились от ветра.

— Беда, — позвала я.

Нашупала в кармане корку хлеба. Ворон спустился с крыши с порывом ветра, как только я протянула ее, и приземлился на руку, а его когти вцепились в рукав. Расправившись с хлебом, птица взглянула на меня, ожидая добавки.

Он не должен был выжить. У него уже не доставало нескольких перьев, жестоко выщипанных другими птицами. Когда ворон впервые прилетел в монастырь, они превратили его в кровавый ворох пуха, бросив в крытой галерее, и тот едва не умер. Я забрала его в свою келью и каждые несколько часов кормила и поила с рук, потому что сам есть и пить он не мог. Но я стала старшей послушницей, и навалилось слишком много обязанностей — не могла присматривать за ним постоянно. Как только ворон выздоровел, я поручила его Софии. Теперь, куда бы та ни пошла, Беда следовал за ней. Даже внутрь, куда послушница брала его, скрывая в своих одеждах и невероятно расстраивая этим сестер.

— Я ищу Софию, — сказала я ему. — Думаю, она в опасности.

Ворон распушил перья на шее и издал серию глухих щелчков и рокочущих звуков, словно обдумывая мои слова. Затем, подражая голосу маленькой девочки, произнес:

— Хорошая птичка. Красивая птичка. Крошки!

— Правильно. Можешь отвести меня к ней?

Он посмотрел на меня ясным и внимательным взглядом. Вороны были умными животными, священными для Серой Госпожи, и благодаря Софии Беда различал человеческую речь лучше, чем остальные. Наконец, похоже, поняв, что от него требуется, ворон расправил крылья и перелетел на насыпь, что подпирала заднюю

стену часовни. Он спрыгнул на одну из плит и заглянул в темное пространство под ней.

Дыра. Должно быть, вчерашняя буря размыла фундамент часовни, обнажив старый проход в крипту. Птица оглянулась на меня.

— Мертвый, — прохрипел ворон.

Кровь в моих венах похолодела. София не учила его этому слову.

— Мертвый, — настаивал Беда, распушив перья.

Другие вороны зашевелились, но не стали поднимать тревогу.

Должно быть, он ошибся. Благословение освящало каждый камень монастырских стен. Наши ворота были выкованы святыми сестрами в Шантлере. И все же...

Проход зиял под бахромой свисающих корней. Я приблизилась без раздумий. Знала, что нужно делать — бежать назад и предупредить матушку Кэтрин. Но София слишком молода, чтобы носить кинжал, а кафельницу она потеряла. Времени не было.

Отцепив кафельницу от пояса и стиснув зубы, я заставила свои неуклюжие пальцы открыть крошечную дверцу и принялась возиться с кремнем и ладаном. На левой руке, там, где блестящая красная плоть, опутывавшая мою ладонь, усохла со временем и превратила пальцы в когти, шрамы были хуже всего. Я могла сжимать пальцы в неплотный кулак, но не могла разжать до конца. Разжигая огонь, я подумала о сестре Люсинде, которая носила кольцо со старым потрескавшимся рубином. Внутри него была запечатана святая реликвия, сила которой позволяла зажигать свечи простым мановением руки.

Наконец искра загорелась. Я подула на ладан, пока не вспыхнули угольки, а затем, окутанная дымом, шагнула в проход.

Меня поглотила тьма. Запах влажной земли давил, душил, словно влажная тряпка, обернутая вокруг лица. Тусклый, слабый свет снаружи померк почти сразу, но,

как и все девушки, которых брали к себе Серые Сестры, я обладала Зрением.

Нити света кружились вокруг меня, подобно паутины, их призрачные формы обращались то в искаженные лица, то в протянутые руки. Тени. Они собирались группами в подобных местах, притягиваемые к могилам и руинам. Они были разновидностью духов Первого Порядка, хрупкими и почти бесформенными. Их пальцы пощипывали мою кожу, словно ища свободную нить, которую можно было бы распустить, но не представляли особой опасности. Я поспешила мимо, и дым от моего кадила смешался с их полупрозрачными силуэтами. Вдыхая, они рассеивались вместе с благовониями.

Тени были настолько привычным явлением, что Беда не отреагировал бы на них. Лишь что-то более опасное — дух Второго Порядка или выше — могло привлечь его внимание.

— София? — позвала я.

В ответ раздалось лишь эхо.

В неясном призрачном свете виднелись ниши, полные пожелтевших костей и обрывков истлевших саванов. По традиции монахинь хоронили в туннелях, окружающих крипту, но возраст этих останков удивил меня. Они были многовековыми, рассыпающимися и заросшими паутиной — более древними, чем сама Скорбь, — когда Мертвые восстали впервые, чтобы преследовать живых. Если эта часть туннеля была запечатана когда-то в далеком прошлом, то дух мог восстать из горы костей и бродить по катакомбам долгие годы.

Сквозь густую подземную тишину прохода пробился звук, настолько тихий, что его едва можно было различить. Детский всхлип.

Я побежала.

Тени проходили сквозь меня, оставляя ощущение резкого холода. Кадельница билась о ряску, пока я не обмотала цепочку вокруг руки, вытянув ее перед лицом

в защитном жесте, которому научила меня сестра Айрис, боевая мастерица монастыря.

Изгиб туннеля впереди был залит светом. Когда я обогнула угол, желудок камнем рухнул вниз. София, спасаясь, забилась в нишу и сидела, уткнувшись лицом в подол рясы. Парящая чуть в стороне, на нее взирала омерзительная фигура. Макушка лысой головы виднелась над сторбленным и узловатым позвоночником, а саван невесомо струился вокруг мертвенно-бледного тела, сияя неземным серебристым светом.

На мгновение я замерла. Последние семь лет словно растворились, и я вновь стала ребенком. Ощутила запах горячего пепла и горячей плоти; мои руки запульсировали от фантомной боли.

Но это было до того, как Серые Сестры нашли меня. Они спасли и научили давать отпор.

Кинжал выпорхнул из ножен. Дух вздрогнул и обернулся ко мне, услышав звук удара стали о кожу. У него было впалое лицо истощенного трупа. Его губы сморщились, обнажая огромные зубы, занимавшие почти половину черепа, и оскалились в вечной гримасе. Глаз не было — на их месте зияли чернотой лишь пустые глазницы.

София подняла голову. Слезы блеснули сквозь грязь на ее щеках.

— Артемизия! — закричала она.

Силуэт духа превратился в размытое пятно и исчез. Инстинкт спас мне жизнь. Я развернулась и взмахнула кадиллом; дух вновь появился перед моим лицом на расстоянии вытянутой руки, но благовония не дали ему приблизиться. Из пасти призрака вырвался стон. Он снова растворился.

Прежде чем дух успел вновь обрести форму, я сделала выпад кинжалом и бросилась к нише, в которой сидела София, размахивая кадиллом во все стороны. Лишь самые могущественные духи могли пройти сквозь барьер из дыма благовоний. Чтобы добраться до Софии, ему пришлось бы сначала сразиться со мной.

Теперь я знала, с чем имею дело. Обычный дух Второго Порядка, так называемый Изможденный — искаленная душа человека, погибшего от голода. Хотя изможденные славились своей скоростью, они были хрупки. Одного хорошо поставленного удара было достаточно, чтобы с ними справиться.

И у меня имелось подходящее оружие — кинжал Серых Сестер с длинным и тонким клинком, созданным именно для таких ударов.

— София, ты ранена?

Она громко шмыгнула носом, а затем ответила:

— Кажется, нет.

— Хорошо. Видишь мой кинжал? Если со мной что-нибудь случится, обещай, что воспользуешься им. Я надеюсь, что тебе не придется, но ты должна пообещать. София?

Она не ответила. Изможденный снова появился у пороота туннеля и мелькнул ближе, приближаясь к нам зигзагами.

— Обещаю, — прошептала она. Девчушка понимала опасность одержимости. Если духу удавалось завладеть телом человека, он мог прорваться сквозь защитные барьеры и даже какое-то время ходить среди живых незамеченным. К счастью для большинства людей, лишь Зрячие были уязвимы для одержимости. В противном случае Лораэль давно бы уже заполонила мертвецы.

Еще одна вспышка. Я полоснула кинжалом воздух в тот самый момент, когда Изможденный материализовался передо мной, пытаюсь ухватить костлявыми руками. Освященный клинок прочертил линию золотого огня по его савану. У меня перехватило дыхание, когда ткань растворилась в воздухе, обнажив невредимую плоть. Я зацепила лишь рукав.

Пальцы духа сомкнулись вокруг моего запястья. Ледяные иголки пробежали по руке, вырывая произвольный крик из моего горла. Я попыталась освободиться, но призрак крепко держал мою кисть, прижавшись своим

телом к моему. За когтеобразными ногтями я рассмотрела его лицо: когда Изможденный приближался, его огромные челюсти разжимались, словно дух втягивал в себя мою боль, пробуя ее на вкус. В любой момент мои онемевшие пальцы могли не удержать рукоять кинжала.

Я нарочно уронила его. София закричала. Когда внимание Изможденного привлек блеск падающей стали, я схватила кадило покалеченной рукой и вогнала его в грудь духа. Призрак удивленно воззрился на меня, затем выкашлял струйку дыма. Я вдавила кадьницу сильнее, не чувствуя жара металла. Изможденный пронзительно завопил — жутким, отдающимся эхом звуком, от которого по туннелю прокатилась волна холода, всколыхнувшая истлевшие саваны в нишах. Выгнувшись дугой, он пытался выцарапать когтями кадило из груди. Силуэт его начал расплываться, распадаясь на части, пока вдруг не обратился в клочья мреющего тумана.

Свет погас окончательно, все стихло, и неровное дыхание Софии осталось единственным звуком. Я знала, что должна что-то сказать, дабы успокоить ее, но едва могла пошевелиться от боли в замороженном запястье. Она вновь и вновь накатывала волнами покалываний. Там, где Изможденный осквернил мою кожу, уже появились багровые линии синяков.

— Артемизия? — Голос Софии был не громче шуршания мыши за стеной.

— Я в порядке.

Я надеялась, что говорю правду на случай, если придется сражаться еще раз, но сомневалась. От внимания матушки Кэтрин мог ускользнуть один Изможденный, но она не могла не почувствовать присутствие сразу нескольких. Я повернулась к Софии и помогла ей спуститься из ниши.

— Можешь встать?

— Я не ребенок, — запротестовала она, храбрясь теперь, когда опасность миновала. Но когда я отпустила ее,

она резко ухватила меня за рясу, отчего запястье пронзила боль. — Смотри!

Впереди в туннеле, отбрасывая корчащиеся тени на стену, сочился свет. Пляска теней сопровождалась хриплым, неразборчивым бормотанием. Меня захлестнула волна облегчения. Я знала лишь одного человека, который мог бы бродить здесь, разговаривая сам с собой.

— Не волнуйся. Это не дух, а просто сестра Жюльенна. София прижалась ко мне крепче.

— Это еще хуже, — прошептала она.

Когда сестра Жюльенна появилась в поле зрения, все еще бормоча, ее лицо скрывалось за растрепанными волосами, освещенными белым фонарем, и я вынуждена была признать, что София права.

Жюльенна была священницей. Она жила отшельницей в крипте часовни, охраняя священную реликвию святой Евгении. От ее нестиранных одежд так сильно пахло бараньим жиром, что невозможно было сдержать слез.

Широко распахнув глаза, София смотрела на нее, а затем опустилась на колени и подхватила кинжал, молча вложив в мою руку.

Сестра Жюльенна, казалось, ничего не заметила, словно мы были невидимками. Она прошаркала мимо нас к нише, из которой только что выбралась София, настолько близко, что подол ее рясы зацепился за наши туфли. Я напрягла слух, силясь разобрать, что она бормочет, приводя в порядок потревоженные кости.

— Здесь, внизу, годами слышались стенания и завывания... Теперь наконец-то тихо... Сестра Розмари, не так ли? Да, да. Тяжелый год, ужасный голод, так много мертвых...

По коже пробежали мурашки. Я не знала никого по имени сестра Розмари. Но подозревала, что найду это имя в самых старых архивах монастыря.

София потянула меня за рясу.

— Правда, что она ест новеньких послушниц? — прошептала она мне на ухо, не отрывая взгляда от сестры Жюльенны.

— Ха! — воскликнула та, поворачиваясь к нам. София задрожала. — Так вот что теперь говорят обо мне? Ну ладно! Нет ничего лучше, чем славная, вкусная послушница. Ну, идемте, девочки, идемте.

Она развернулась и зашаркала в обратном направлении, фонарь покачивался в ее морщинистой руке.

— Куда она нас ведет? — спросила София, неохотно следуя за мной и все еще не выпуская подол рясы.

— Мы должны пройти через крипту. Это самый безопасный путь обратно в часовню.

По правде говоря, это было лишь предположение, но по мере того, как сестра Жюльенна вела нас через ряд дверей, встроенных в грубо вытесанные туннели, оно казалось все более вероятным. Я убедилась в этом, когда мы подошли к последней двери — тяжелому черному чудовищу из освященного железа. Свет фонаря запрыгал по ее окованной поверхности, когда Жюльенна открыла дверь и проводила нас внутрь.

В воздухе вились ленты дыма от благовоний, настолько густого, что у меня заслезились глаза, а София закашлялась в рукав. Мы вошли в каменную залу с высокими сводами, подпираемыми колоннами. В арках между ними стояли одетые в рясы статуи, их лица скрывались в тени наброшенных капюшонов, несмотря на свечи, что поблескивали у их ног в лужах воска. София подозрительно огляделась вокруг, словно ища спрятанный в одном из углов котел или, быть может, разбросанные по полу обглоданные кости послушниц. Но камни были голыми, если не считать вырезанных тут и там священных символов, очертания которых с годами стали почти неразличимы.

Сестра Жюльенна позволила нам осмотреться лишь мгновение, затем нетерпеливо поманила вперед.

— Теперь прикоснитесь к святыне, чтобы получить благословение святой Евгении. Только быстро.

В центре крипты возвышался алтарь: белый мраморный постамент с изваянием святой Евгении в полный рост. Оно располагалось на крышке саркофага, и прекрасный каменный лик статуи нес на себе следы смертной безмятежности. Свечи, расставленные вокруг ее тела, отбрасывали переменчивые отблески на лицо святой, придавая ему легкую загадочную улыбчивость. Она умерла мученицей в возрасте четырнадцати лет, пожертвовав собой, чтобы привязать к своим костям духа Пятого Порядка. Говорят, он был настолько силен, что сжег все ее тело дотла, кроме единственной фаланги пальца — святыни, которая теперь покоилась внутри саркофага, скрытая от людских глаз. Фаланга — это не мелкий артефакт вроде камня в кольце сестры Люсинды, годящегося, чтобы зажигать свечи. Он представлял собой высшую реликвию, которой пользовались лишь во времена крайней нужды.

София торжественно шагнула вперед, чтобы коснуться сложенных рук изваяния. Там, где к мрамору притрагивались бесчисленные паломники на протяжении последних трех столетий, он блестел.

Сестра Жюльенна на Софию не смотрела. Она наблюдала за мной, а ее глаза сверкали сквозь вуаль спутанных волос.

— Твоя очередь. Давай.

От жара свечей кожа под рясой вспотела и начала зудеть. Но эти ощущения меркли перед холодом в запястье и пульсирующей в такт биению сердца боли, которые нарастали по мере приближения к святыне. Странно, но мне не хотелось прикасаться к ней. Чем ближе я подходила, тем сильнее тело пыталось отстраниться от изваяния без моего на то согласия; даже волосы, казалось, пытались встать дыбом. Я предположила, что так чувствует себя большинство людей при мысли о прикосновении к огромному волосатому пауку или трупу. А я испытыва-

ла такие чувства при мысли о прикосновении к святыне. Может быть, со мной все же что-то не так?

Эта мысль гнала меня вперед, подобно кнуту надсмотрщика. Я шагнула на возвышение, положила руку на мрамор. И в ту же секунду пожалела об этом. Ладонь прилипла к камню, словно он был весь покрыт птичьим пометом. Я ощутила резкий толчок в живот, и крипта провалилась в темноту. Ничего не видела, ничего не слышала, но знала, что была не одна. Меня окружало чье-то *присутствие*... присутствие чего-то огромного, древнего и голодного. Мне показалось, что в темноте шевелятся перья, это был не столько звук, сколько ощущение — удушающая тяжесть заточения и пожирающая, мучительная ярость.

Я знала, что это было, чем оно должно было быть — дух Пятого Порядка, прикованный к реликвии святой Евгении. Восставший, один из семи когда-либо существовавших, каждый из которых теперь был уничтожен или заточен в тюрьму кем-то из высших святых, давным-давно отдавших себя в жертву.

Я почувствовала, как дух медленно, словно маяк, пробивающийся сквозь темноту, поворачивается в мою сторону. Ужас сдавил горло. Я оторвала руку от саркофага и вслепую попятилась прочь, едва не запалив рукав о свечи. Свет и звук хлынули обратно. Я рухнула бы на пол, если бы костлявая рука не схватила меня за плечо.

— Ты чувствуешь его. — Голос сестры Жюльенны прошелестел у меня над ухом, обдав щеку кислым дыханием. — Ты чувствуешь его, не так ли? — В ее голосе звучало нетерпение.

Я хватала воздух. Свечи в крипте горели ровным пламенем. София наблюдала за мной в замешательстве, начиная тревожиться. Очевидно, она ничего не почувствовала, когда касалась святыни. Я давно подозревала, но теперь была уверена — то, что случилось со мной в детстве, каким-то образом изменило меня, оставив внутри пустоту. Неудивительно, что у меня такая сильная связь

с духами. Во мне уже было место для них, которое только и ждало, чтобы его заняли.

Я мрачно уставилась в пол, пока сестра Жюльенна не отпустила меня.

— Не понимаю, о чем вы, — ответила я, солгав так нагло, что щеки вспыхнули.

Я отодвинулась и взяла Софию за руку. Та выглядела по-настоящему испуганной, но когда вновь прижалась ко мне, я с облегчением поняла, что ее пугала только сестра Жюльенна.

— Как знаешь, — пробормотала старуха, прошаркав мимо нас, чтобы открыть другую дверь, за которой находилась лестница в часовню, уходящая вверх по спирали. — Но ты не сможешь скрываться вечно, девочка. Госпожа сделает с тобой то, что захочет. В конце концов, она всегда так поступает.